

СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ИУДЕЕ в 66—73 гг.

А. Б. Ранович

Иудейская война 66 г. историками изображается только как национально-освободительное восстание евреев против Рима. Поэтому, хотя движение было окончательно разгромлено только в 73 г., кощом восстания обычно считают 70 год—год разрушения Иерусалима—и говорят о восстании 66—70 гг. По той же причине руководство восстанием приписывается фарисеям, и крайним крылом повстанцев считают эссетов. Эта трактовка иудейского восстания проникнута националистическим духом и обнаруживает влияние раввинской литературы, которая по вполне понятным причинам выставляет рвение к вероисповедной движущей причиной восстания.

Большинство буржуазных историков, в особенности же еврейские богословы и националисты, объявляют фарисеев друзьями народа, носителями его идеалов, защитниками его национальной самобытности и политической свободы. К этой богословской точке зрения примыкает и К. Каутский, называющий фарисеев «представителями народной массы»¹.

Сторонники этого взгляда ссылаются на слова Иосифа Флавия («Antiqu.», XVIII, 1,3) о влиянии, которым пользовались фарисеи в народе. Но еще Ю. Вельтгаузен правильно указал, что делать отсюда вывод о демократических убеждениях фарисеев—неправильно, что объявить средневековых монахов и кшир демократами—ведь и они были весьма популярны и пользовались громадным влиянием на массы². «Демократичность» фарисеев ясно сказывается в их поведении и учении.

Самый термин фарисеи—евр. *peruṣīm*, отдаленные, обособленные—свидетельствует о том, что они отгораживались от массы, считали д

¹ К. Каутский—Присхождение христианства. М. 1930, стр. 243.

² J. Weithausen—Die Pharisäer und die Sadducäer. Hannover 1881, S. 20.

несовместимым общении с ней. Другим названием для фарисеев *haber* (товарищ), и весьма правдоподобно предположение Ш ю-ва, что наименование *reḡūīm* дали им люди из престолярды, а именно эта группа своим враждебностью к спешным «ученым», «мудрецам» (*ḥakīmīm*), толкователям «закона» и его блюстителям. На почве враждебности фарисеев к престолярдам, а следовательно и к представителям хаберов строжайше соблюдать ритуальную чистоту устанавливается система запретов, свидетельствующая о глубочайшем разрыве этих «представителей народной массы» к престолярды, к хаберам.

Презрение к ам-гаарец—крестьянам, ремесленникам, торговцам и вообще к за людей не считались, вполне отчетливо выражено в *Шулхан Арух* (XXXVIII, 25—33). Но хаберы, считавшие себя солью земли, пошли гораздо дальше Сираха. Ам-гаарец для них—нечто ритуально нечистое, от которого надо держаться подальше. Платье ам-гаарец—мидрас (источник осквернения) для фарисеев (Тосиф., II, 7). «Кто берет на себя быть хабером, не должен продавать ам-гаарец ни влажного, ни сухого, не должен покупать у него ничего, не должен ходить к нему в гости, ни принимать его в дом, ни в его платье» (Demai, II, 3). «Жена хабера может одождать ам-гаареца сито и решето, может помогать ей просеивать, может и встряхивать, но лишь только в муку влита вода¹, как вся мука попомощи жене ам-гаарец прекращается, ибо не позволено продавать грешникам. Впрочем, и первое дозволено только для поддержания мира» (Gitt., V, 9=Sebiit, V, 9). «Шесть вещей сказали фарисеев об ам-гаарец: им не дают свидетельства и не принимают их свидетельства, не открывают им тайны, не назначают их опекунами над сиротами, не назначают их наблюдателями над кружкой благотворительности, не составляют с ними компании в дороге. А нечестивые говорят также, что об их потерях не делают объявления» (Berakot, 49 b). «Пусть всегда человек продаст все, что есть у него, не возьмет в жены дочь талмид-хахама; не нашел он дочери талмид-хахама, пусть возьмет дочь великих мира сего; не нашел дочери великих мира, пусть возьмет дочь главарей синагоги; не нашел дочери главарей синагоги, пусть возьмет дочь казначеев благотворительности; не нашел дочери казначеев благотворительности, пусть возьмет дочь учителей маленьких детей, но пусть не берет дочери ам-гаарец, ибо они—мерзость, их жены—гады, а об их дочерях сказано: проклят, кто ляжет со скотом» (Второз., XXVII, 31).

Сказал р. Элеазар: ам-гаарец разрешается убить даже в судный день, вышедший в субботу... Сказал р. Иоханан: ам-гаарец можно брать, как рыбу» (ib.).

Не удивительно, что при всем почтении, которое внушали фарисеи талмид-хахамы массам, находившимся во власти религиозного дурмана, ам-гаарец питали к этим ханжам жгучую ненависть. Об этом свидетельствуют сами фарисеи. «Р. Элеазар говорит: если бы мы им (ам-гаарец) не нужны были для деловых отношений, они бы нас

¹ Талмиды, по талмудистским воззрениям, «восприимчиво» к нечистоте больше, чем другие люди.

убили». «Велика ненависть ам-гаарец к талмид-хахамам—больше чем ненависть, которою язычки ненавидят израэльтян». «Р. Акба говорит: когда я был ам-гаарец¹, я говорил: если бы мне попал ученый (фарисей), я бы укусил его, как осел. Сказали ему ученые рабби, скажи: «как собака». Он сказал им: тот кусает и ломает при этом кость, а эта кусает, но не ломает кости» (Pesach., 49 b).

Как же фарисей вели себя во время восстания? Несомненно, религиозный фанатизм толкал и фарисейски настроенные элементы на путь восстания против римлян, и среди агитаторов, призывавших к оружию, попадались, надо полагать, и рядовые фарисеи. Но руководители фарисеев, забыв свой вековечный спор с саддукеями, объединились с ними для совместного подавления восстания, которое грозило превратиться в революцию. «Ввиду серьезного и опасного характера движения представители властей, первосвященники и знатнейшие фарисеи собрались вместе для совещания о положении дел. Решено было попытаться урезонить недовольных добрыми словами» (Jos. Fl.—Bell. iud., II, 13,3). Фарисей, столь ревностно оберегавший свою святость, поступил по этому случаю своими принципами и стали доказывать законность принесения жертвы за императора и приема храмом даров от язычников. А когда восстание все-таки началось, и повстанцы «заставили перейти на свою сторону находившихся еще в городе римских друзей», коалиция из саддукеев, фарисеев и римских ставленников умышленно назначила полководцами для ведения войны таких людей, которые способны были только провалить дело. В числе их оказался и Иосиф Флавий, который предал порученное ему дело и перешел на сторону римлян. Зато в полководцы вовсе не попал фактический вождь восстания Элеазар бен Симон, а один из инициаторов восстания Элеазар бен Анания был удален из Иерусалима под благовидным предлогом назначения его полком военачальника незначительной провинции Идумеи («Bell. iud.», II, 20, 3).

Когда положением овладели фанатичные «ревнители»—зелоты и сикарии, занявшие укрепленную позицию в Иерусалиме, превратили восстание в гражданскую войну, все силы реакции, в том числе и фарисей, объединились. «Влиятельнейшие мужи» во главе с знатным фарисеем, одним из столпов талмуда Симоном бен Гамлилом, «бегали шаром в собраниях и в речах, обращенных к отдельным лицам и побуждали их наказать, наконец, губителей свободы и очищать святилище от кровопийц. И самые уважаемые из первосвященников Иосиф, сын Гамалы, и Анан, сын Анапа, открыто упрекали их за бездеятельности и подстрекали его против зелотов» («Bell. iud.», II, 3,10). Иоханан бен Заккай, которого еврейские националисты и до сих пор гословы до сих пор превозносят, как величайший «светоч Израэля», сыграл, согласно талмудическим преданиям (Gitt. 56a. Ar. di R. Nathan, IV), роль шпиона и предателя и бежал тайком из осажденного города в лагерь Тита. Фарисеи вели себя так же, как их предшественники.

¹ А к и б а (приблиз. 50—130 гг.)—крупнейший таннай, был низкого происхождения и выбился в верхи фарисейства уже в зрелом возрасте.

— сепаратисты хасидей во время маккавейского восстания: почуяв, что гнет грозит превратиться в народную революцию, они без колебаний перешли на сторону язычников, «врагов Ягве и осквернителей храма». Когда дело дошло до классовых битв, деление в лагере восставших пошло не по религиозному принципу, и партии образовались по признаку классовому.

Первыми были богатые рабовладельцы и торговцы, ростовщики, первосвященники и с ними все жречество, фарисеи—руководители синедриона и главари синагог, все те «себялюбивые мерзавцы», которые так или иначе приспособились к римскому гнету и даже извлекали из него выгоду для себя,—все это объединилось в одну «партию мира». Им не было интереса рвать с римскими властями; тяжесть римского ига они перекладывали на плечи трудящихся, а римские гарнизоны служили для них защитой против недовольства масс.

Вторую партию, составлявшую ядро восстания, образовали zeloty. Это были разрозненным и искаженным данным, которые приводит личная хроника зелотов Иосиф Флавий, зелоты вербовались из среды мелких торговцев, ремесленников и крестьян, которые разорялись и собственными ростовщиками, и римскими грабителями, но особенно чувствительно всегда реагировали на ничем не завуалированное римское гнет. Эти разоренные элементы неспособны были к организованным действиям и не могли выработать себе ясную политическую программу. Их смутные политические настроения получали религиозно-идеологическое выражение. Зелоты смотрели на себя, как на ревнителей веры; они считали, что они умирали во имя бога, и только уже в процессе самого восстания они почувствовали, что им с первосвященниками, придворной свитой и богачами не по пути. Но их ослеплял религиозный фанатизм, и только возгоревшаяся во время осады Иерусалима гражданская война могла им осознать свои классовые цели и задачи.

Третьей была и третья партия, которую Иосиф не удостоивает названия «партии» или «партии», а презрительно называет поножовщиками, сикариями (от *sica*—книжал). Историки, следуя Иосифу, совершенно не отличаются с сикариями как политической группировкой, видя в них только кучку беспринципных террористов или даже просто уголовно-преступный элемент среди зелотов. Между тем, даже у Иосифа мы имеем достаточно данных, позволяющих видеть в сикариях революционеров, боровшихся не только против Рима, но и против классового гнета и «жесточких» эксплуататоров. По описанию Иосифа, сикарии—просто революционеры, хотя свои жертвы они выбирали не случайно; «первым из них таким образом был заколот, был первосвященник¹ Ионатан» (Bell. iud., II, 13, 3).

Несмотря на такую характеристику сикариев резко противоречит та оценка, которую сам же Иосиф дает им в другом месте. В речах, которые он приводит в уста вождя сикариев Элеазара («Bell. iud.», VII, 8, 6—7), Элеазар «тиран» и «злодей», как он его обычно называет, выступает в качестве великого героя, для которого интересы его дела, честь и до-

¹—ранее—бывший первосвященник (36—37 гг.).

блесть выше всего, выше жизни. Иосиф отдает себе отчет в том, что сикарии не просто разбойники; в одном месте он определенно говорит о «мятеже сикариев», как о самостоятельном движении («Bell. iud.», VII, 10, 1). Не укрылись от Иосифа и классовые противоречия внутри еврейского народа, на почве которых разгоралась гражданская война: «Все наперерыв старались перещеголять друг друга в нечестивых поступках перед богом и в несправедливостях против ближних. Сильные угнетали простой народ, а масса стремилась извести сильных; те жаждали власти, а эти—насилий и ограбления зажиточных» («Bell. iud.», VII, 8, 1).

Классовое лицо сикариев становится ясным из дел их. Ворвавшись в верхнюю часть города, они «сожгли дом первосвященника Анании¹, а также дворцы Агриппы и Вереники; вслед за тем они перенесли огонь в здание архива, для того, чтобы как можно скорее у и и ч т о ж и т ь д о л г о в ы е д о к у м е н т ы и сделать невозможным взыскание долгов. Этим они имели в виду привлечь массу должников на свою сторону и восстановить бедных против состоятельных» («Bell. iud.» V, 17, 6).

В то же время выступил некий Манаим (Менахем). Захватив со своим отрядом Иерусалим, Манаим и его сторонники сожгли дворец, вытащили бывшего первосвященника из водопровода царского дворца, где он скрывался, и убили его вместе с его братом Езекией (II, 17,8—9). «В Аграватском округе Симон бар Гпора набрал массу недовольных и производил разбойничьи набеги, в которых не только грабил дома богатых людей, но и совершал насилия над их личностью» (II, 22, 2). Впоследствии Симон, присоединившийся было к партизанам, занимавшим крепость Масаду, «расстался с ними, отправился в горы, через вестников обещая рабам свободу, а свободным вознаграждение, и таким образом собрал вокруг себя негодяев со всех сторон. Имея уже сильную шайку, он грабил деревни в горах, но когда, чем дальше—все больше стекалось к нему людей, он отважился спуститься в долину. Теперь он стал страшным и для городов. Многие из знатных, привлекаемые его могуществом и счастливыми успехами его предприятий, стекались к нему на свою гибель, так что в его войске, кроме рабов и разбойников, было также немало граждан...» (IV, 9, 3—4).

Повстанцы-сикарии, вербовавшиеся из среды рабов и закабаленной долгами бедноты, не довольствовались казнью особо ненавистных эксплуататоров и уничтожением долговых обязательств; они стремились к неспровержению существующего строя. «После того как эти нечестивцы закололи первосвященников для того, конечно, чтобы не осталось ни следа благочестия, они уничтожили также вконец все, что еще уцелело от общественного порядка, и доставили полное торжество беззаконию» (VII, 8, 1). В своей последовательности они решили внести революцию и в организацию церкви; они отвергли принцип наследственности сана первосвященника. Правда, первосвященники не раз получали свой пост за взятку сирийскому наместнику или рим-

¹ А н а н и я—прославившийся своей алчностью—был первосвященником в 47—59 гг., но он пользовался значительным влиянием и в то время.

прокуратору, а со времени Ирода они, как правило, назначались им. Но все же они назначались из среды нескольких определенных семейств, и принцип наследственности теоретически признавался. «Разбойники» решили установить здесь принцип демократии и избрать первосвященника по жребию. «Случайно жребий выпал на... этого Фанию, сына Самуила, из деревни Афты. Он не только не был достоин носить звание первосвященника, но был настолько неразвит, что не имел даже представления о значении первосвященника» (IV, 3, 7—8). Этот Фания, переехавший в Иерусалим, был вообще последним первосвященником, так как вскоре храм был уничтожен навсегда.

Что сикарии представляли собою самостоятельное политическое движение, имеются и другие свидетельства, помню Иосифа Флавия. В «Дьян. ан.», XXI, 38, тысячакальчик говорит Павлу: «Не ты ли ты египтянин, который перед сими днями произвел возмущение и вывел в пустыню четыре тысячи человек разбойников?». В греческом оригинале здесь сказано *σικαρίων*, тогда как во всех других случаях в новозаветных текстах «разбойник» передается обычным словом *λῃστής*.

Особый интерес представляют упоминания сикариев в Мишне, так как здесь можно уловить следы аграрной революции, произведенной сикариями.

Память о сикариях в эпоху редактирования Мишны (начало III в.) сохранилась. За исключением одного мимолетного замечания, что жители Иерусалима прятали смоквы в воде «из-за сикариев» (Machš., I, 6), Мишна применяет вместо «сикарий» своеобразный термин «сикарикон», представляющий собой греческую форму, образованную из лат. *sicarius*. Но замечательно, что *sikarikon*, этимологически означающее определенное понятие (например «объединение сикариев»), в Мишне означает не только «законоположения, связанные с сикариями», но и отдельного человека, сикария.

Сообщения Мишны показывают, что сикария отличали от разбойника. «Возношения, десятины и пожертвования вора, разбойника и взыскания действительны только в том случае, если владельцы этих предметов не заявляют на них претензий. Возношения, десятины и пожертвования сикариком действительны» (Tos. Terum, I, 6). Сикарикон в Мишне — незаконный или не вполне законный владелец земли. Вместе с тем — раввинское законодательство о таких владельцах. «По той же причине не приносят первин: фермер, арендатор, сикарикон и захититель, ибо сказано: лучшие первинки т в о е й земли» (Bikk., II, ср. II, 3). Очевидно, сикарикон с точки зрения талмуда — неполноправный владелец. Это обстоятельство вызвало необходимость в издании особых законоположений «сикариком». «В Иудее не было сикариком до военных убийств¹. Со времени военных убийств в ней действует сикарикон. Как это понимать? Если поле куплено сначала у сикариком, затем у владельца, то купля недействительна, а если куплено сначала у владельца, а затем у сикариком, то купля действительна. Такова первая мишна; последующий бет-дин установил: купив-

¹ По мнению комментаторов, имеются в виду репрессии при Тите.

ший у сикариков отдаст хозяину четверть. Когда? Если он сам (т. е. владелец) не в состоянии купить; если же он в состоянии сам купить, он имеет преимущество перед всеми людьми. Рабби собрал суд и было решено: если имущество находилось во владении сикариков в 12 месяцев, то первый купивший приобретает на него право, но отдает владельцу четверть» (Gitt., V, 6). «В Иудее не действует сикариков в целях заселения страны. К чему это относится? К убитым в войны и во время войны. . . В Галилее всегда действовал сикариков» (Tos. Gitt., V, 4). Независимо от содержания законодательства «сикариков» в эпоху составления Мишны, из этих довольно туманных текстов можно сделать один вывод: Мишна знает категорию землевладельцев, получивших свою землю от прежнего владельца путем насилья (например в результате конфискации имущества убитого во время восстания). Авторы Мишны полагают, что если такой «сикариков» продает свой участок, покупатель должен частично удовлетворить и прежнего «законного» владельца. Но обозначение такого незаконного владельца искаженным термином «сикариков» и связь закона с положением «сикариков» с «восными убийствами» и «убитыми во время войны» показывает, что здесь сохранилось смутное, искаженное временем воспоминание о сикариях, которые захватывали и раздвигали земли богатых землевладельцев. После подавления восстания оказалось, надо полагать, немало владельцев, получивших землю из рук сикариев, и раввинам приходилось разбирать связанные с этим тяжбы. Так возник термин «сикариков», который сохранился в последующем талмудическом законодательстве, хотя исторические обстоятельства, вызвавшие к жизни законоположения «сикариков», были уже забыты.

Приведенные данные, при правильном их использовании, свидетельствуют, что сикарии отнюдь не были «кинжальщиками». Мы имеем здесь революционное движение крестьян, рабов и городской бедноты, которое противопоставит не только фарисеям, но и зелотам. В то время как зелоты стремились только к свержению римского ига и никакие политические или социальные реформы не выдвигали, сикарии вели на практике борьбу против своих классовых врагов и стремились к политическому и социальному перевороту. Раздоры между зелотами и умеренной партией были вызваны тем, что зелоты вполне основательно не доверяли своим «союзникам», которые взяли на себя руководство восстанием специально для того, чтобы привести его к поражению; сикариев резко отделяла от прочих группировок смутная, изменчивая, измененная религиозными и националистическими идеями, но революционная программа. Поэтому окончание «иудейской войны» против Рима в 70 г. не означало еще прекращения борьбы сикариев. Ядро их вплоть до 73 г. упорно продолжало борьбу. А когда пала Иерусалимская крепость сикариев—Масада—пала, остатки их пробрались в Александрию и стали там поднимать угнетенных на восстание. Но александрийское еврейское купечество по своей инициативе приняло меры к подавлению движения, и последние остатки сикариев были преданы пыткам и казни.